

А. Е. Бижкенова

Нур-Султан, Казахстан

**ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА НАРОДА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
В КНИГЕ МАКСА КУЧИНСКОГО «СТЕПЬ И ЧЕЛОВЕК»**

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам освещения культуры степного кочевого народа в путевом романе, изданном в Лейпциге в Германии немецким врачом и путешественником Максом Кучинским в 1925 году и не известном до сегодняшнего дня в Казахстане. В этом произведении повествуется об истории казахского народа. Была предпринята попытка проанализировать немецкое произведение, пока еще не переведенное на русский и казахский языки. В статье отмечаются наряду с анализом содержания особенности авторского отношения к описываемым событиям через его язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народ Великой степи; степная культура; казахи; степь и человек; уважение и толерантность.

Ye. Bizhkenova

Nur-Sultan, Kazakhstan

LIFE AND CULTURE OF THE PEOPLE OF THE GREAT STEPPE IN THE BOOK OF MAX KUCHINSKY “STEPPE AND MAN”

This article is devoted to actual issues of the culture of the steppe nomadic people in a travel novel published by the German doctor and traveler Max Kuchinsky in Germany in 1925 and not known until now in Kazakhstan, the history of the people this work tells the story about. An attempt was made to analyze a German work that has not been translated into Russian and Kazakh yet. In the article, along with the analysis of the content, the features of the author's attitude to the described events through his language are noted.

Key words: people of the Great Steppe; steppe culture; the Kazakhs; steppe and man; respect and tolerance.

«Традиции и культура – это генетический код нации. Нам следует оберегать нашу национальную культуру и традиции во всем их многообразии и величии, собирать по крупицам наше культурное достояние»
Н. А. Назарбаев [1]

«Эта особенная степная культура, – писал Л. Н. Гумилев, – имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран» [2, Введение]. Для того чтобы изучение культуры продвигалось глубже, необходим поиск новой литературы как отечественных, так и иностранных исследователей. Именно поэтому в основу нашего научного поиска положена книга малоизвестного исследователя казахских степей, немецкого ученого, доктора медицины, физиолога, антрополога, этнолога Макса Х. Кучинского «Степь и человек», вышедшая в свет в 1925 году в издательстве г. Лейпциг в Германии [3].

Макс Х. Кучинский не является писателем и стиль его письма очень специфичен. В своих путевых заметках он нарисовал неповторимую картину жизни, быта, здоровья и культуры степного народа, насколько он смог это увидеть и прочувствовать.

В Советскую Россию М. Х. Кучинский впервые попал в середине 1923 года как участник Международного конгресса эпидемиологов в Ленинграде. Он близко познакомился с коллегами по интересам. Немецким языком прекрасно владели А. А. Дудукалов из Москвы и Е. С. Сорокин из Омска. Последний пригласил Макса Кучинского в гости. Так, в июне 1924 года немецкий профессор оказался в Сибирском ветеринарно-зоотехническом институте. Евгений Сорокин, уроженец Павлодара, брат писателя Антона Сорокина, посоветовал осмотреть самые отдаленные районы степи. Для этого надо было отправиться в путешествие по степи в город Каркаралы. В начале июля Макс Х. Кучинский с небольшим сопровождением отбыл в Семей, где встретился с несколькими членами местного Географического общества, расспрашивал об особенностях жизни степняков в горном Зайсан-

ском уезде, около Балхаша и Каркаралинской степи. Вел дневник, где, например, записал: «Мы провели у врача Кропанина послеобеденное время, оставившее приятные воспоминания. С каркаралинским коллегой вели интересную беседу об этой земле и ее людях» [4].

В основе сюжета книги – жизнь степного народа. Мы знаем из книг по истории, что казахов на заре советской эпохи называли киргизами, поэтому автор везде так именует народ. Однако мы понимаем под этим определением казахский народ. Все, о чем повествует Кучинский, касается истории казахского народа. Прибывший в степные просторы немецкий врач с восторгом и невероятным интересом начал вести заметки обо всем, что видел и слышал во время путешествия по малоизученной земле.

Данная книга ценна тем, что относится к ряду немногих оригинальных записок о степном народе, о жизни в условиях суровой степи, о традициях и быте людей, одежде, еде и других особенностях этнического порядка, которые не встретишь ни в каком другом месте, кроме как в степи. Удивительным фактом в этой книге является, конечно же, исконно европейское происхождение самого автора, которому все наблюдаемое было априори чуждым, однако небезынтересным. Макс Х. Кучинский общался с врачами и учеными, простыми людьми. В свою очередь, ученые, жившие в то время в округе городов Омска и Семей, с удовольствием и огромным воодушевлением общались и обменивались опытом с новоприбывшим медицинским работником из Германии, подробно рассказывали ему о тех вещах, которые его интересовали. Многие аспекты Макс Х. Кучинский посчитал весьма необычными и экзотичными для своего европейского нрава.

Особенность данной книги в том, что она помогает пролить свет на культуру степного народа и восполнить знания об истории казахов. Также эта книга станет прекрасным дополнением к коллекции книг по исследованию Великой степи и невероятно свободной жизни народа, проживающего в ней.

Читая книгу, невольно обращаешь внимание на то, с каким чувством уважения немецкий путешественник характеризует казаха, которого называет сыном степи, она оказала и продолжает оказывать на последнего первостепенное влияние. Жизнь в степи нелегкая. Степь предстает разной. Здесь достаточно лишь перечислить языковые выражения для ее характеристики: казахская степь демонстрирует явный, даже самый суровый климат, т. е. климат с наибольшими не только сезонными, но и однодневными колебаниями.

Читателю предоставляется возможность почувствовать себя ученым-исследователем и заглянуть в страницы книги, которая по первым ощущениям напоминает личный дневник путешественника. Язык изложения в целом достаточно лаконичен, но встречаются и сложные для восприятия моменты с вкраплениями из греческого, латинского и других языков.

Нетрудно заметить трепетное отношение автора к изучаемой им культуре. Дальнейшие примеры способствуют формированию ясного представ-

ления о впечатлениях иностранного исследователя. Обратим внимание на подбор прилагательных: *Wir haben zwar auch hier riesige gezackte Bergrücken und furchtbare, wildromantische Schluchten. Aber zwischen ihnen liegen weite öde Steppen, üppige, aber eintönige Grasplätze, die das Eldorado der viehzüchtenden Nomaden bilden* [3, S. 28] ‘У нас тоже здесь имеются огромные остроконечные горные хребты и ужасающие, дико романтические ущелья. Но между ними пролегают обширные пустынные степи, пышные, но однообразные поля трав, которые образуют Эльдorado для пасущих скот кочевников’.

Die Steppe ist mit ihren Bewohnern ein lebender Organismus, der nicht weniger beharrlich in seiner Struktur und seinen Äußerungen ist als irgend ein anderer. Der Mensch fügt sich ganz harmonisch in diesen Rahmen ein [Там же, S. 52–53] ‘Степь с ее населением живой организм, который по своей структуре и признакам не менее силен, чем какой-либо другой. Человек гармонично вписывается в данные рамки’.

Рассмотрим также другие примеры из текста книги, где представляется степь, показана гармония жизни. Само восприятие автором понятия *steppe* восхищает читателя глубиной жизненной философии. Внутренние ощущения при этом вербализуются не одними только прилагательными.

In der Steppe ist die Lösung seit altersher erreicht, und es kann niemand bei näherem Nachdenken wundern, daß daher das Bild dieser harmonischen Einführung in die Natur durch die Jahrhunderte gleich geblieben ist, wo die Möglichkeit dieses Lebens ungehemmt bestand [3, S. 53] ‘В степи решение принято уже давно, и поэтому никто не может при близком рассмотрении удивляться, что через столетия эта картина гармоничного внедрения в природу остается прежней, где сохранилась возможность непринужденной жизни’.

Четкое распределение семантической отражательной функции отдельных лексем приводит к образованию необычных ассоциаций. Так, к примеру, степь приравнивается к человеку, который может принимать решение. Речь идет о гармонии природы и всей жизни в условиях этой природы. Человек и степь находятся между собой в гармонии. Организм человека – это целостная система, в которой каждая часть связана с другими. Средневековый врач Парацельс утверждал, что большинство человеческих болезней возникает из-за негативных эмоций. Другими словами, для того, чтобы быть счастливым и здоровым, нужно отыскать баланс между внешним и внутренним миром. Этот баланс называется гармонией. Жизнь степи многогранна.

Культуру Великой степи, несомненно, обогащает присутствие женщины. Каждый народ ценит роль женщины индивидуально, она имеет свое незыблемое место в обществе. В понимании казахов женщина, как издавна повелось, это, в первую очередь, верная жена и хранительница очага. Как пишет Г. Ж. Нурышева, «выбор спутника жизни, создание семейного союза являются особой сферой человеческих отношений, и казахский народ придавал важное значение этому событию <...>. В казахской семье строго

распределены обязанности жены и мужа. Мужчина – глава семейства, а женщина – его мудрая помощница, поддерживающая своими советами в сложных жизненных перипетиях. Женщина с хорошим характером, “мінезді әйел”, именно такая жена, которая понимает свое место в семье и обществе. Она – воспитанный, культурный, мудрый человек и старается лишней раз не вступать в мужские дела» [5]. Полностью разделяем такое мнение и считаем, что женщину можно считать центром народной культуры, именно поэтому в художественных произведениях немало места уделяется представлению образа женщины. Так и в книге Макса Х. Кучинского находим много сцен с участием женщин, причем это не простые женщины, а спутницы мужчин в их суровых условиях кочевой жизни.

Ihre Frauen sind die keuschesten und ehrbarsten in der Welt und lieben und ehren ihre Männer gar sehr. Treulosigkeit in der Ehe wird von ihnen als ein ehrloses, niederträchtiges Laster betrachtet. Und auf der anderen Seite ist es bewunderungswürdig, der Männer Freundlichkeit im Umgang mit ihren Weibern zu sehen, unter denen, wenn ihrer auch zehn oder zwanzig sind, unübertreffliche Ruhe und Einigkeit herrscht [3, S. 49] ‘Их женщины самые целомудренные и достойные во всем мире, они очень сильно любят и уважают своих мужчин. Измена в браке рассматривается ими как позорный, низкий порок. Однако удивительно видеть дружелюбие мужчин в отношениях с их женщинами, среди которых, даже если их насчитывается и десять, и двадцать, царит непревзойденная тишина и единодушие’.

Nie hört man beleidigende Sprache unter ihnen, und ihre Aufmerksamkeit ist ganz vom Handel und ihren verschiedenen häuslichen Geschäften sowie von der Besorgung des Lebensbedarfes der Familie, der Aufsicht über die Diener und der Sorge für die Kinder, um welche sie sich gemeinschaftlich kümmern, in Anspruch genommen. Um so preiswürdiger sind die Tugenden der Bescheidenheit und Keuschheit bei den Frauen, als es den Männern gestattet ist, so viel Frauen zu nehmen, wie sie wollen [Там же, S. 50] ‘Никто никогда не слышит в общении между ними обидных слов, а их внимание полностью направлено на торговлю и разнообразные домашние дела, а также обеспечение жизненных потребностей семьи, присмотр за прислугой и заботу о детях, которых они все вместе воспитывают. Тем самым еще ценнее становятся скромность и целомудренность женщин, если мужчинам позволено брать в жены столько женщин, сколько они захотят’.

В приведенном примере видим набор особой лексики, содержание которой направлено на передачу особенностей семейного уклада и роли женщины в семье. Семья кочевника – это единая сплоченная ячейка, тесно взаимодействующая и ведущая общее натуральное хозяйство, в которой женщина находится на центральной позиции. Таким образом, женщина в обществе кочевого народа степи представляет собой тихого, скромного и уютного человека, обязанного в условиях многоженства строго соблюдать свои обязанности, жить в мире и согласии с окружающими и успевать при этом воспитывать детей и быть хранительницей очага. Автор книги Макс

Кучинский представил реалии быта казахской женщины с особым пониманием всех деталей и с большим уважением к ее скромности и природной застенчивости, о чем он неоднократно упоминает в своих записках. Подбор эпитетов и стилистических средств при этом является четким и целенаправленным, что абсолютно соответствует истинности описываемых фактов.

Кочевую культуру невозможно представить без процесса самого кочевания и установления временного жилья. Для кочевого народа основным жильем являлась юрта. В книге Макса Кучинского регулярно встречаются отрывки, посвященные очень детальному описанию передвижений аулов по степи, возведения кочевого жилища и создания внутреннего убранства юрт. Это непревзойденное мастерство и подлинное искусство. «Говоря о казахской юрте, можно с уверенностью сказать, что как жилище она была точно продумана с учетом потребностей быта кочевников, ее убранство отличалось орнаментальным изяществом декора, сам принцип построения был отражением их взглядов на окружающий мир. Большого внимания заслуживает символика казахской юрты, раскрывающая духовно-культурные и научно-философские смыслы юрты. Символизм кочевой культуры представлял собой философское отношение к миру и был нормой жизни. Не было разделения на философию мира и быта, они были взаимосвязаны», – пишет М. К. Егизбаева [6]. С этим нельзя не согласиться. Представим несколько примеров.

Das ganze Aul wandert, fast immer nachts, je nach der nächsten wohl bekannten günstigen Stelle 10-15 Werst weiter. Dann kommt die ganze Kette der Aule in Bewegung und der Reiter trifft nachts auf einmal die gespensterhaften Züge der wandernden Dörfer auf seinem sonst so einsamen Ritt. Am Orte der Wahl wird in wenigen Minuten die Jurte neu aufgerichtet, zuerst der Holzbau aus kunstvoll gebogenen und gitterscheren-artig gefügten Stangen, auf die sich nach oben zu die kuppelförmig zusammenstrebenden Stäbe der Zeltwölbung setzen [3, S. 73] ‘Весь аул почти всегда ночью переезжает на близкие, уже знакомые благоприятные места расстоянием в 10–15 верст. Тогда в движение приводится вся цепь аулов, а одинокого всадника в ночи сопровождают странствующие поселения, похожие на призрачные видения. В выбранном месте за несколько минут будет вновь установлена юрта, сначала искусно изогнутые, прикрепляемые в виде решеток деревянные жерди, на которые сажаются жерди, сходящиеся воедино к верхнему куполу юрты’.

Über das Gestell werden Filzdecken, bei reicheren Kirgisen hellgrau, fast weiß, gezogen, die innen mit schön gestickten Bändern am Fachwerk des Zeltes festgebunden werden. Die Jurten reicher Besitzer sind schon weithin durch ihre helle Farbe erkennbar und dem hungrigen müden Reisenden ein willkommenes Ziel. Hier steht die weit ausladende Bettstelle in türkischer Art, oft mit beinernen Ornamenten schön verziert, darauf 10-20 Decken und viele prächtige seidenbezogene Kissen für den Wirt und die stets vorhandenen Gäste. An die Stelle dieser schönen und sehr bequemen Holzbetten treten leider jetzt häufig europäische metallene Gestelle [Там же, S. 73] ‘На каркас натягивается вой-

лочное покрытие, у более богатых киргизов оно светло-серого, почти белого цвета, внутри крепко затягивается красиво вышитыми лентами к основе юрты. Юрты богатых хозяев узнаются уже издали по светлому цвету и являются желанной целью для голодного уставшего путешественника. Здесь стоит широко раскладывающаяся кровать в турецком стиле, ножки которой часто украшены орнаментами, на ней 10–20 одеял и много великолепных шелковых подушек для хозяина и гостей, которые всегда имеются. Вместо этих красивых и очень удобных деревянных кроватей, к сожалению, сейчас часто встречаются европейские металлические конструкции’.

Das Leben der Steppe ist schön und glücklich. Das Leben der Steppe ist auch reizvoll, aber nur für uns Fremdlinge, die wir darin flüchtig untertauchen. Der Kirgise aber lebt darin wie der Karpfen im Teich. Ruhig, behaglich und glücklich [3, S. 180] ‘Жизнь степи прекрасна и счастлива. Она притягательна, но только для нас, чужаков, которые лишь мимолетно погружаются в нее. Киргизы же живут, словно карпы в пруду. Спокойно, удобно и счастливо’.

Понятие культуры очень многогранно. Мы предприняли попытку лишь немного приоткрыть завесу культуры национально-этнического порядка, рассмотрев отдельные языковые факты конкретного произведения, которые помогают передать множество оттенков этого глубокого и очень важного для человека фактора жизни.

Книга Макса Кучинского «Степь и человек» написана на немецком языке, до сих пор она не переведена на другие языки, поэтому является малоизвестным произведением, в котором имеются очень интересные авторские наблюдения за жизнью в степи. Путешествие немецкого ученого-врача, изучавшего болезни степного народа сквозь призму его жизненных традиций, охватило всю центральную часть территории современного Казахстана – от Омска до Каркаралинска (современная Карагандинская область). В книге представлен казахский народ. Казахи имели уникальную степную культуру и неповторимый степной быт.

Тема культуры Великой степи неисчерпаема, тем более если исследовать ее, используя первоисточники. Материал книги Макса Кучинского, положенный в основу нашего исследования, может по праву считаться оригинальным первоисточником, который еще предстоит изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев, Н. Семь граней Великой степи [Электронный ресурс] / Н. Назарбаев // Семь граней Великой степи. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statuya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. – Дата доступа: 21.12.2019.
2. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. Введение [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилев // Древние тюрки. Введение. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/OT/ot00.html>. – Дата доступа: 21.12.2019.
3. Kuszynski, Max H. Steppe und Mensch / Max H. Kuszynski. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1925. – 192 S.

4. *Попов, Ю.* Макс Кучински: из Берлина в Каркаралы [Электронный ресурс] / Ю. Попов // Макс Кучински: из Берлина в Каркаралы. – Режим доступа: <http://daz.asia/ru/maks-kuchinskij-iz-berlina-v-karkaraly/>. – Дата доступа: 21.12.2019.
5. *Нурьшева, Г. Ж.* Женские образы в творчестве казахских поэтов и жырау [Электронный ресурс] / Г. Ж. Нурьшева // Женские образы в творчестве казахских поэтов и жырау. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philosophia/4_105999.doc.htm. – Дата доступа: 21.12.2019.
6. *Егизбаева, М. К.* Юрта и особенности мировосприятия казахов / М. К. Егизбаева // Юрта и особенности мировосприятия казахов. – Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/379>. – Дата доступа: 21.12.2019.

Айгуль Ермаковна Бижкенова

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранной филологии Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева

Aigul Ye. Bizhkenova

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Foreign Philology of Eurasian National University named after
L.N. Gumilyova in Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan